

СКРЫТЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ РЕЦИПРОКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

О. О. Борискина, В. Н. Картавцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 мая 2018 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению закономерностей скрытой языковой категоризации взаимных ситуаций. Рассмотрение различных средств выражения взаимности с точки зрения концепции градуальной грамматикализованности показывает, что в категорию реципрокальности входят языковые средства, несущие семантику взаимности как явным (грамматикализованным), так и скрытым способом. В то же время скрытому языковому кодированию взаимности присущи системные закономерности, в соответствии с которыми определенные диапазоны понятий в разных языках имеют тенденцию обозначаться при помощи скрытых реципроков.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, реципрокальность, скрытая языковая категориальность, шкала грамматикализованности.

Abstract: the article aims at identification of systemic relations within language categorisation of reciprocal situations. Thorough examination of various language means expressing reciprocity within the framework of gradual grammaticalization theory showed that language category of reciprocity includes both overt and covert means. At the same time covert linguistic coding of reciprocity has its own systemic dependencies. In accordance with them certain notions in different languages tend to be denoted by covert reciprocals.

Key words: lexico-semantic typology, reciprocity, covert category, scale of grammaticalization.

Интегральный подход к языку, системно примененный И. А. Мельчуком и его коллегами при построении теории языковых моделей «Смысл ↔ текст», как наиболее полно отвечающий стоявшей перед авторами теории задачи создания модели языка, «понятной» машине [1], как оказалось, отражает и объективные онтологические свойства языковой системы, в связи с чем интегральные построения стали предметом занятий лингвистов-теоретиков. Действительно, лингвистика во многом пошла по пути преодоления того разделения, «с осознания которого, – как отметили Е. В. Рахилина и Я. Г. Тестелец, – тысячелетия назад, возможно, и началась лингвистическая наука» [2], – разделения «чисто» лексических и грамматических явлений. Специалисты в области семантического и функционального синтаксиса включили в фокус своего рассмотрения лексическое наполнение конструкций [3], Ю. Н. Караулов выступил с идеей лексикализации грамматики, которая является ключевой в его модели ассоциативно-вербальной сети [4], лексический компонент стал краеугольным камнем теории синтаксических концептов З. Д. Поповой и Г. А. Волохиной [5] и лексически ориентированного синтаксиса Т. М. Ломовой и Т. М. Чирко [6].

На фоне последних достижений в области синтаксиса и лексической семантики получают новый импульс развития глобальные теории, объясняющие взаимосвязь речевого мышления, отражения в языке освоения внеязыковой действительности национальным сознанием и типологии языков [7–9]. Важное место в недискретных концепциях грамматичности, предполагающих нулевую грамматикализованность категории в языке как один из полюсов шкалы состояний, занимает скрытая категориальность языка, учение о которой основывается на пионерских идеях Б. Уорфа и С. Д. Кацнельсона, а также А. В. Бондарко [10; 11]. Согласно данному подходу, существуют смысловые категории, имеющие нулевую грамматикализованность в языке А, но получающие регулярное грамматическое маркирование в языке Б.

Проведя первичный анализ языкового материала, мы выдвигаем гипотезу, что по аналогии данная закономерность существует и на внутриязыковом уровне: существуют категории, получающие грамматические маркеры в рамках определенных классов лексем и не получающие грамматического маркирования в других лексемах. В последнем случае мы говорим о существовании в языке скрытого класса.

Рассмотрим приведенные выше положения на материале категории реципрокальности, в основе которой лежит комплекс смыслов, выражающих вза-

имность. Реципрок – это интерпретирующая актантная деривация, т. е. качественное преобразование исходной ситуации без изменения числа участников, когда актанты приобретают свойство перекрестной кореференции, одновременно являясь субъектами и объектами (адресатами) идентичных действий [12; 13].

По частеречевой принадлежности ядерного слова в конструкции, выражающей взаимное положение дел, могут выделяться глагольные, субстантивные, адъективные реципроки. По способу выражения реципроки подразделяются на грамматические и лексические. Грамматические реципроки – это глаголы и конструкции, обозначающие взаимную ситуацию, будучи маркированными при помощи аффиксов, клитик, а также синтагматически сочлененных с глаголами местоимений. К лексическим реципрокам относится широкий спектр средств, в которых маркирование реципрокной семы не носит регулярный характер, т. е. в нем не участвует специализированный маркер или же прибавление специального реципрокального маркера не означает простого преобразования соответствующего одностороннего значения во взаимное. Так, *мириться* в русском языке – лексический реципрок, так как его морфологический коррелят без *-ся* не является его «чистым» односторонним коррелятом с семантической точки зрения: в семантике слова *мирить* присутствует еще и каузирующий компонент [9; 13].

Кроме того, В. П. Недялков отмечает, что в языке есть еще такие лексические реципроки, в которых не наблюдается аффиксального маркирования, а реципрокальное значение сосредоточено в корне [13]. Именно такие реципроки, на наш взгляд, претендуют на принадлежность к классу средств, скрытым образом выражающих взаимность, так как единственным формальным показателем вхождения данного подмножества во множество средств выражения взаимности является их функционирование в определенном *типе предложений* (свойство криптокласса по Б. Уорфу [14]), допускающему идентичные трансформации с предложениями, в которых взаимность маркируется явным способом. Данная трансформация, согласно В. П. Недялкову, представляет собой универсальный формальный тест, применяемый для идентификации реципроков [13], и имеет следующий вид:

A and B – V – (pron) ⇔ A V (prep) B ⇔ B V (prep) A, где A и B – субъекты, связанные взаимным отношением, V – глагольный предикат.

Например, *Did he say why they were fighting?* => *A was fighting B* ⇔ *B was fighting A* ⇔ *They were fighting* ⇔ *They were fighting each other.*

Разделение реципроков на грамматические и лексические, а также внутренняя неоднородность

(различная степень морфологизации средств выражения взаимного значения, наличие среди лексических реципроков слов с грамматическими маркерами и без таковых) позволяют расположить средства выражения взаимности по условной шкале грамматикализованности, на одном полюсе которой помещаются средства, образуемые с помощью регулярной грамматической трансформации, а на противоположном – средства, передающие ту же категориальную семантику, но без участия ее грамматических маркеров (ср. описание шкалы грамматикализованности применительно к именным классам в [7]).

Для иллюстрации вышеизложенного тезиса обратимся к конкретно-языковому материалу – глагольной лексике разных языков. В русском языке существует подмножество в рамках лексико-грамматического разряда взаимно-возвратных глаголов, представляющее собой морфологически маркированное (с помощью постфикса *-ся*) ядро категории реципрокальности и в то же самое время полюс ее наибольшей грамматикализованности. Важно отметить, что среди разнообразных глаголов, относимых разными авторами к взаимно-возвратным, «полярными» являются только те глаголы на *-ся*, грамматические корреляты которых без данного постфикса несут в своей семантике идентичный набор сем минус сема взаимности (наподобие *обниматься*, ср. с *мириться*) (ср. с понятием *собственно взаимно-возвратных глаголов* в [9]). Аналогом данных глаголов в испанском языке могут послужить местоименные глаголы со значением взаимности, например: *Maria y Jose se miran* (*Мария и Хосе смотрят друг на друга*). В английском языке для выражения значения взаимности глаголы используются в сочетании со свободными прономинальными маркерами типа *each other*, в немецком – в сочетании с местоимением *sich*.

Противоположный полюс по шкале грамматикализованности занимают слова, которые скрыто, без участия специальных маркеров передают информацию о взаимных ситуациях (в нашей терминологии мы будем называть их скрытыми реципроками).

Подобные глаголы есть и в русском (*беседовать, говорить*), и в рассматривавшихся выше языках: английском (*meet, fight*), немецком (*sprechen, kämpfen*) и испанском (*chismear, luchar*). С точки зрения отношения к грамматическому маркированию и степени проявления грамматики в отношении данных слов, а именно: частеречевой принадлежности, участие аффиксов в маркировании реципрокальной семантики, характер отклонения семантического преобразования при деривации от стандартного («одностороннее > реципрокное» действие) – подобные явления получили системное описание в трудах В. П. Недялкова и Ю. П. Князева [9; 13].

Типологи различных школ изучали и разные типы семантических конфигураций реципрокальной семантики, особенности кодирования их разными языками. Таковыми являются, например, цепь «один за другим», соположение соседних участников «плечом к плечу» и др. [15–17].

Таким образом, грамматическая сторона кодирования языком взаимных ситуаций достаточно подробно изучена. Однако у данного явления есть еще и лексико-типологический аспект. Дело в том, что языковое сознание категоризирует все множество конкретных взаимных ситуаций различных сфер действительности на несколько подмножеств. Большая часть таких ситуаций номинируется при помощи различных аффиксальных, клитических и прономинальных маркеров. При этом часть ситуаций, как мы уже отмечали, получают в языке отдельные номинации, «свободные» от перечисленных только что средств языкового маркирования. Еще в 1962 г. Н. А. Янко-Триницкая, зафиксировав лексические реципроки в русском языке, назвала их лексически-взаимными глаголами и отметила, что в данную группу входят глаголы, которые «связаны с речью, с беседой, с общением между людьми» [18, с. 190]. Действительно, такие слова, как *говорить*, *беседовать*, являются скрытыми реципроками в русском языке. Однако примечательно то, что в английском языке мы также наблюдаем скрытые реципроки – глаголы речи: *to speak*, *to talk*; аналогично и в немецком: здесь взаимное значение в рамках лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности передается также лишенным морфологических маркеров глаголом *sprechen*. Как видим, прослежи-

вается тенденция: глаголы рассматриваемого лексико-семантического поля могут скрытым образом выражать значение взаимности.

Сопоставив скрытые глагольные реципроки из рассматриваемого поля в трех языках – русском, английском и немецком, получаем конкретные лексико-семантические группы, для понятий из которых во всех трех языках используются скрытые реципроки (табл. 1).

Данные лексико-семантические группы выстраиваются в определенную систему: в центре – нейтральный разговор, лишенный специфических черт, вокруг центра располагаются специфические виды разговоров – дружеский разговор, куда входят и глаголы, обозначающие несерьезный разговор с минимальной смысловой нагрузкой; сплетничание; обсуждение – общие деловые переговоры и переговоры в торговле; вербальная конфронтация.

Помимо глаголов речи, тенденцию к скрытому выражению взаимной семантики имеют слова из тематической группы борьбы, войны. В русском языке – это глагол *воевать*, в английском – *to fight*, в немецком – *kämpfen*. Если мы проведем сопоставительный анализ скрытых реципроков в рамках семантического поля конфронтации на материале трех данных языков, то полученные в результате лексико-семантические группы будут также представлять собой достаточно системное образование: физическая конфронтация, в центре которой находятся лексемы, передающие общую идею противостояния, используемые для обозначения многих конкретных вариантов борьбы; лексико-семантические группы боевых действий, хаотичной драки и противопоставленного

Т а б л и ц а 1

Скрытые реципроки лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности в русском, английском и немецком языках

Лексико-семантическая группа	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Разговор (нейтральный, прототипический)	<i>беседовать, говорить</i>	<i>speak, talk</i>	<i>reden, sprechen</i>
Дружеское общение	<i>болтать, судачить</i>	<i>chat, chatter, gab, gabble, jaw, natter, prattle</i>	<i>klönen, plaudern, quasseln, quatschen, swatzen, schnat-tern</i>
Сплетничание	<i>сплетничать</i>	<i>gossip</i>	<i>klatschen, tratschen</i>
Обсуждение – общие деловые переговоры и переговоры о цене/условиях соглашения	–	<i>bargain, dicker, haggle, negotiate, parley</i>	<i>feilschen</i>
Вербальная конфронтация	<i>спорить</i>	<i>argue, bicker, debate, quarrel, quibble, row, squabble, spar, wrangle</i>	<i>debattieren, plänkeln, streiten, zanken</i>

ей организованного поединка, метафорически осмысленной борьбы; социальной и вербальной конфронтации (табл. 2).

Как видим, «мостиком» между двумя «сгустками» скрытых реципроков в лексико-семантической подсистеме является лексико-семантическая группа глаголов вербальной конфронтации (кстати, включающая переносные значения глаголов из других группировок в рамках поля конфронтации (табл. 2)), представляющая зону синкретизма между двумя рассмотренными лексико-семантически полями.

В свете того, что в настоящее время лингвистика становится, кроме прочего, еще и прогностической наукой, в частности, один из разделов лингвистической прогностики – онтогностика – ориентирован на восполнение нашего знания о современном состоянии систем различных языков [19], на данном этапе закономерен вопрос: является ли выявленная на материале трех языков тенденция к обозначению взаимных ситуаций в двух понятийных сферах в рамках конкретных их «участков» устойчивой настолько, что,

опираясь на полученную систему лексико-семантических групп, мы могли бы предсказывать наличие скрытых глагольных реципроков в сходных группах в других языках? В случае положительного ответа выявленные закономерности кодирования языком взаимных ситуаций внеязыковой действительности могли бы, на наш взгляд, претендовать на роль статистической универсалии.

Получить исчерпывающий ответ на данный вопрос возможно только в результате широкого сопоставительного исследования. В настоящей статье мы ограничимся лишь проверкой относительной устойчивости выявленных тенденций – в рамках индоевропейских языков, исторически относимых к европейским. Для этого обратимся к языку, не входящему в ветви, к которым принадлежали рассмотренные выше языки, а именно к испанскому (романскому) языку. В нем в рамках данных полей находим скрытые реципроки, входящие в те самые выявленные индуктивно лексико-семантические группы (табл. 3, 4). Как видим, относительная устойчивость выявленных тенденций находит подтверждение.

Т а б л и ц а 2

Скрытые реципроки лексико-семантического поля глаголов конфронтации в русском, английском и немецком языках

Лексико-семантическая группа		Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Физическая конфронтация	Прототипическая борьба	–	<i>clash, fight</i>	<i>kämpfen</i>
	Противодействие кому-либо/чему-либо (метафора борьбы)	–	<i>fight, struggle</i>	<i>kämpfen, streiten</i>
	Военные действия	<i>воевать</i>	<i>battle, fight, skirmish,</i>	<i>kämpfen, plänkeln, streiten,</i>
	Поединок/столкновение			
	Хаотичная драка	–	<i>brawl, fight, scuffle, struggle, tussle</i>	<i>plänkeln, rangeln, raufen</i>
	Поединок с применением определенных средств и приемов (в том числе спортивный)	–	<i>box, draw, duel, fence, grapple, joust, tie, wrestle</i>	<i>boxen, fechten, ringen, turnieren</i>
Социальная конфронтация	Вражда	<i>враждовать</i>	<i>feud</i>	<i>fehden, hadern</i>
	Соперничество	–	<i>fence, jockey, jostle, joust, vie</i>	<i>rivalisieren</i>
Вербальная конфронтация		–	<i>skirmish</i>	<i>hadern, plänkeln, streiten</i>

Т а б л и ц а 3

Скрытые реципроки лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности в испанском языке

Лексико-семантическая группа	Испанский язык
Разговор (нейтральный, прототипический)	<i>hablar</i>
Дружеское общение	<i>charlar, parlar, platicar, razonar</i>
Сплетничество	<i>chismear</i>
Обсуждение – общие деловые переговоры и переговоры о цене/условиях соглашения	<i>negociar, razonar</i>
Вербальная конфронтация	<i>querellar, luchar, pelear</i>

Т а б л и ц а 4

Скрытые реципроки лексико-семантического поля глаголов конфронтации в испанском языке

Лексико-семантическая группа		Испанский язык
Физическая конфронтация	Прототипическая борьба	<i>luchar, pelear</i>
	Противодействие кому-либо/чему-либо (метафора борьбы, подразумевается взаимное противостояние)	<i>lidiar, luchar, pelear, pugnar</i>
	Военные действия	<i>batallar, guerrear, luchar, pelear, reñir</i>
	Поединок/столкновение	Хаотичная драка
Поединок с применением определенных средств и приемов (в том числе спортивный)		<i>boxear, esgrimir, lidiar, luchar</i>
Социальная конфронтация	Вражда	–
	Соперничество	<i>luchar, rivalizar</i>
Вербальная конфронтация		<i>querellar, reñir</i>

В качестве перспективы для дальнейшего исследования данной темы нам представляется плодотворным проведение лингвистического эксперимента с носителями разноструктурных языков, имеющего целью поиск скрытых реципроков в соответствующих лексико-семантических группах в системах этих языков.

Таким образом, с одной стороны, категория реципрокальности в ряде языков является «гибридной», т. е. для ее выражения используются как средства, имеющие грамматические маркеры, так и средства без таковых. С другой стороны, часть языковой системы, связанная со скрытым кодированием взаимных ситуаций, несет в себе внутренние закономерности, представляющие собой тенденции к скрытому кодированию внеязыковых ситуаций определенных видов, соотносимых с определенными лексико-семантическими группами в лексико-фразеологических подсистемах различных национальных языков. Последнее наблюдение, на наш взгляд, в перспективе может дать ключ к пониманию соотношения скрытого и явного в рамках категории реципрокальности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ текст» / И. А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.
2. Рахилина Е. В. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка / Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец // Вопросы языкознания. – 2016. – № 2. – С. 7–21.
3. Копров В. Ю. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: субъектно-объектные отношения / В. Ю. Копров [и др.]; под ред. В. Ю. Копрова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – 263 с.
4. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.
5. Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 1999. – 193 с.
6. Ломова Т. М. «Язык как фразеология»: опыт лексико-синтаксического описания / Т. М. Ломова, Т. М. Чирко // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2010. – № 8. – С. 202–212.
7. Виноградов В. А. Вариативность именных классификаций / В. А. Виноградов // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. – М., 1990. – С. 171–209.

8. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
9. Князев Ю. П. Грамматическая семантика : русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
10. Whorf B. L. Language, Thought, and Reality / B. L. Whorf, J. V. Carroll, S. Chase. – MIT Press, 1956. – 278 p.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.
12. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : РГГУ, 2001. – 800 с.
13. Nedjalkov V. P. Reciprocal Constructions / ed. by V. P. Nedjalkov, with the assistance of E. Geniesiene and Z. Guentcheva. – Amsterdam : John Benjamins, 2007. – V. 1–5. – 2219 p.
14. Уорф Б. Ли. Грамматические категории / Б. Ли Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 7–21.
15. Rubinstein A. Groups in the Semantics of Reciprocal Verbs / A. Rubinstein // NELS 38: Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society. – Mode of access : <https://www.semanticsarchive.net/Archive/WUxYZA5N/RubinsteinNELS38.pdf>
16. Летучий А. Б. Двойной реципрок : значение и употребление / А. Б. Летучий // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост. К. Л. Киселева [и др.]. – М. : Пробел, 2009. – С. 335–361.
17. Evans N. Reciprocals and Semantic Typology / ed. by N. Evans, A. Gaby, S. C. Levinson, A. Majid. – John Benjamins Publishing, 2011. – 349 p.
18. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Наука, 1962. – 247 с.
19. Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 390 с.

Воронежский государственный университет
Борискина О. О., доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: olboriskina@gmail.com
Тел.: 8 (473) 220-41-49

Картавцев В. Н., аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
E-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru
Тел.: 8-908-130-80-99

Voronezh State University
Boriskina O. O., Doctor of Philology, Professor of the
Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: olboriskina@gmail.com
Tel.: 8 (473) 220-41-49

Kartavtsev V. N., Post-graduate Student of the
Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru
Tel.: 8-908-130-80-99